

## Глава 21. Всё, что предлагает братик, — лучшее

Запряжённая осликом повозка неторопливо трусила по широкой дороге. Лёгкий ветерок кружил в воздухе мелкие песчинки, нагоняя пыль.

Лю Мухань прикрыл ладонью глаза мальчишки и, наклонившись к нему, тихо спросил:

— Пыль в глаза не летит? Не больно?

Мальчик крепче вцепился в его руку и едва слышно позвал:

— Братик...

— А?

— Ты ведь теперь правда мой братик? — Малыш прильнул к нему, утыкаясь лицом в бок и обхватывая тонкими ручонками за пояс.

— Правда, — ласково отозвался Лю Мухань. — Теперь я твой брат. И я обязательно о тебе позабочусь.

Он не стал расспрашивать о прошлом. Не нужно было обладать глубоким умом, чтобы понять, через какой кошмар пришлось пройти ребёнку, которого едва не закопали заживо.

— Братик... — Мальчик запрокинул голову. Глаза его не видели, но алый, пугающий взор безошибочно обратился к лицу юноши. — Как зовут тебя? И... как зовут меня?

— А? — Мухань слегка растерялся. Прижав приёмыша ближе к себе, он негромко проговорил: — Моё имя — Лю Мухань. «Лю» — как плакучая ива, «Му» — как вечерний закат, а «Хань» — как зимняя стужа. Хочешь, я буду звать тебя Сяо Хань? Крошка Хань. По душе тебе такое имя?

Раз уж малыш сам завёл об этом разговор, значит, прежней жизни пришёл конец. Пусть всё дурное останется позади.

— Да... Сяо Хань. Теперь я твой Сяо Хань, братик, — прошептал тот и, доверчиво потеревшись щекой о его плечо, начал засыпать. Голос его становился всё тише, сонные слова звучали едва слышно: — Только не уходи... Я буду послушным. Очень послушным.

Мухань бережно, но крепко обнял мальчика:

— Я знаю, маленький мой. Знаю, что ты умница. Никуда я не уйду, теперь мы всегда будем

вместе.

Старая повозка, упрямый осёл да двое сирот посреди бескрайней дороги...

Прижимая к себе Сяо Ханя, Лю Мухань внезапно ощутил, как умиротворение затапливает его настрадавшееся сердце. Пусть он по-прежнему скитался по свету без крыши над головой, у него наконец-то появились близкие. Настоящая семья, которая не бросит его и не исчезнет без следа при первой же буре.

Вскоре на горизонте проступили очертания высоких городских стен.

Ослик неторопливо тащил телегу к массивным воротам, где стража, как и следовало ожидать, преградила им путь.

Один из караульных лениво подошёл поближе, заглянул в повозку, окинул взглядом оборванных мальчишек и крикнул товарищам:

— Тут двое малых да телега со всяким хламом!

— Десять монет! — донёсся хриплый окрик от ворот.

Стражник протянул руку:

— Слышал? С вас десять медных монет. Наскребёшь?

— Да, сейчас, — Лю Мухань впервые оказался у стен столь величественного города и совсем не знал местных порядков. Спешно запустив руку за пазуху, он отсчитал десять медяков и вежливо повернулся к мужчине: — Благодарю вас.

Взяв монеты, стражник сочувственно похлопал юношу по плечу и вполголоса предупредил:

— В городе нынче неспокойно. Гляди в оба и по ночам без нужды на улицу не суйся.

Это было неожиданное, но ценное предостережение.

Лю Мухань серьёзно кивнул:

— Понял. Спасибо вам, дяденька.

Расплатившись, Мухань слегка натянул поводья:

— Ну же, Картофелина, пошли. Только води себя прилично, в городе шалить нельзя. Слышишь меня?

— И-а-а-а! — согласно отозвался ослик.

Картофелина мерно зацокал копытами по мостовой, послушно умерив свой пыл.

Тем временем у ворот стражник подошёл к старшему караула и ссыпал медяки ему в ладонь.

— Слушай, у него же в телеге вроде какая-то провизия лежала, — хмыкнул старший. — Чего ты развопился, мол, хлам бесценный?

— Да ладно тебе, командир, времена нынче тяжёлые, — вздохнул добряк. — Видел ведь, в каких обносках мальчишки? То, что в телеге едет, небось всей семьёй по крохам собирали, последние запасы везут. Слезы одни, а не пожива.

— И то верно, — протянул старший, пряча деньги в кошель. — На границе резня идёт, конца и края этой войне не видно. А господам из мира боевых искусств хоть бы хны — явились в город силой меряться, турниры устраивать под лозунгом «Собрание мастеров боевых искусств». У кого-то горе, а у кого-то праздник. Каждому своя судьба.

— Так они же мастера, люди военные, глядишь и помогут...

— Да брось ты. Когда это они о простых людях пеклись?

— И то правда.

\*\*\*

Тем временем Лю Мухань со своей повозкой углубился в городские кварталы. На него лавиной обрушились шум, гомон и суета многолюдных улиц. Ни в родной деревне, ни даже в Городке Кленовых листьев он не видел ничего подобного.

Юноша вертел головой из стороны в сторону, разглядывая пёструю толпу, лавки и вывески. Он не знал, куда смотреть — ему хотелось рассмотреть каждую мелочь, запомнить каждый уголок этого удивительного места.

Гул толпы разбудил Сяо Ханя. Спросонья испугавшись шума, малыш тут же крепко ухватился за рукав Муханя и уткнулся ему в грудь.

Лю Мухань мягко улыбнулся и ласково погладил его по взъерошенным волосам:

— Ну надо же, совсем ведь ещё ребёнок. Не бойся, глупыш, мы уже в городе. Я рядом, с тобой ничего не случится.

— Братик... — Сяо Хань легонько подёргал его за руку.

— Ладно, ладно, не буду над тобой подшучивать. Проголодался? Посмотри-ка, сколько вокруг всяких вкусностей продают. Хочешь, куплю чего-нибудь? — Мухань и сам заворожённо разглядывал дымящиеся прилавки с едой, то и дело сглатывая набежавшую слюну.

Заметив, что названный брат едва сдерживает аппетит, Сяо Хань тихонько сжал его ладонь и закивал:

— Да, братик. Сяо Хань очень проголодался. Давай поедим чего-нибудь вкусного.

Мальчик выпрямился в телеге и повернулся лицом к Муханю.

У Сяо Ханя были на удивление тонкие, благородные черты лица, но из-за голодного детства щёки его совсем впали, а кожа казалась пугающе бледной. Смотря на этого хрупкого, доверчивого ребёнка, Мухань почувствовал, как сердце его затапливает щемящая нежность.

Не удержавшись, он порывисто обнял приёмыша:

— Сяо Хань, как же сильно я тебя люблю!

От этих слов на бледных щёчках мальчика проступил едва заметный румянец. Он робко прошептал:

— И Сяо Хань... тоже очень любит братика.

Мухань рассмеялся и осторожно отстранился:

— Посиди минутку смирно, а я мигом сбегаю к прилавку.

Но стоило ему сделать шаг, как мальчик мёртвой хваткой вцепился в его запястье. Мальчик жалобно умолял:

— Не уходи... Пожалуйста.

У Муханя защемило в груди. Он опустил взгляд на их соединённые руки.

Он и сам был неказистым. Когда они жили со Станным стариком, тот часто качал головой, глядя на его ладони, и сокрушался, что из-за голодного детства мальчик вырос недокормышем — руки крохотные, ноги тонкие, кость узкая.

В свои четырнадцать лет крестьянские парни вовсю работали в поле наравне со взрослыми мужиками, обзаводились невестами и выглядели вполне возмужавшими.

Мухань же на свои четырнадцать никак не тянул.

Впрочем, обиды на судьбу он не держал: какая разница, велик ли ростом, коли голова на плечах есть и руки при деле?

Но ладошка Сяо Ханя оказалась совсем крошечной — едва ли в половину его собственной.

С виду найдёнышу нельзя было дать больше семи-восьми лет, но Мухань интуитивно чувствовал: мальчик старше, возможно, ему уже перевалило за десять. Просто изнурительный голод остановил его рост — точно так же, как когда-то случилось с самим Муханем.

Мухань перевернул ладонь и бережно согрел холодные пальчики малыша в своей руке:

— Раз ты не хочешь меня отпускать, пойдём вместе. Только сперва нужно пристроить Картофелину в какой-нибудь трактир, хорошо? На улице не протолкнуться, наш ослик всем только мешает.

— Братик, я... я в тягость тебе, да?

— Что за глупости? Никакая ты не обуза. По правде говоря, я и сам ужасно хотел взять тебя за руку, да только постеснялся признаться. Хорошо, что ты первый об этом заговорил, а то мне тоже было бы немного боязно в такой толпе.

— Правда-правда?

— Честное слово.

Среди ревущего человеческого моря эти двое обрели свой тихий островок покоя.

— И-а-а-а! — внезапно напомнил о себе осёл.

Повозка медленно катилась по центральной улице. Мухань шагал рядом, ведя Картофелину под уздцы. У каждого ворот постоянного двора он останавливался и стучал к хозяевам, но везде получал один и тот же ответ: свободных мест нет. В паре заведений, правда, пустовали

элитные покои, но стоили они столько, что простому бродяге оставалось лишь облизнуться.

Кошелёк Муханя изрядно похудел, и даже заурядный ночлег грозил пробить в нём ощутимую брешь, а о роскошных палатах для знатных господ нечего было и помышлять.

Будь он один, давно бы заночевал под открытым небом где-нибудь на опушке леса или примостился под городской стеной. Но теперь за его плечами сидел Сяо Хань, и обрекать измученного ребёнка на ночёвку на сырой земле у Муханя не поднималась рука.

Покидая родную деревню, он не имел за душой ни гроша. Позже, в Городке Кленовых листьев, ему посчастливилось разжиться восемью лянмами серебра, однако шесть из них пришлось отдать за Картофелину. Теперь в его карманах сиротливо звенели жалкие два лянма с хвостиком.

Конечно, в его Пространственном хранилище лежала заветная серебряная верительная грамота, стоившая баснословные двести тысяч лянмов, но Мухань с самого начала зарёкся прикасаться к чужому богатству. Эти деньги ему не принадлежали. Уж лучше найти честную подработку и прокормить себя и брата трудом собственных рук.

Солнце неумолимо клонилось к закату, когда Мухань остановился перед очередной вывеской. Этот трактир выглядел куда богаче предыдущих — резные наличники, лакированные колонны. Надежды найти здесь дешёвый приют почти не оставалось.

Юноша замялся, но, переборов смущение, всё же потянул упрямого ослика к крыльцу.

— Приветствую, уважаемый! Не найдётся ли у вас свободного угла? Самого скромного, можно без удобств.

На пороге стоял осанистый бородач средних лет. Нарядный кафтан из дорогой ткани выдавал в нём не простого зазывалу, а самого хозяина заведения.

Муханю стало неловко. В сгущающихся сумерках он издали не разглядел благородный шёлк кафтана, приняв его за обычную грубую мешковину. Знай он, что перед ним почтенный владелец столь приличного места, ни за что не осмелился бы подойти.

Но стоило юноше смущённо попятиться, как трактирщик глухим басом спросил:

— Только вы двое да этот ушастый?

— Да, почтенный, — поспешно закивал Мухань.

Хозяин окинул их оценивающим взглядом и задумчиво потёр подбородок:

— Свободных комнат нет, но в глубине двора пустует сухой дровяной сарай. Рядом конюшня, так что и осла вашего пристроим. За ночь возьму двести медяков. Согласны?

Мухань расцвёл в улыбке:

— Да-да, конечно! Мы согласны! Преогромное вам спасибо, дяденька!

Ещё мгновение назад он мысленно готовился к холодной ночёвке на улице, а теперь судьба преподнесла им такой щедрый подарок. Выходит, темнота сыграла ему на руку!

Трактирщик усмехнулся в бороду и обернулся к дверям:

— Сяо Дин! А ну-ка иди сюда. Проводи гостей в задний двор, покажи им дровяник.

— Сию минуту! — из дверей выскочил разбитной паренёк. Несмотря на поношенные обноски Муханя и Сяо Ханя, в его взгляде не промелькнуло ни тени пренебрежения: — Почтенные гости, пойдёте в обход. Через главный зал с животиной соваться не стоит, мы лучше сразу через задние ворота к стойлам пройдем.

— Премного благодарны, — вежливо отозвался Мухань и крепче сжал ладошку брата. — Слышал, Сяо Хань? Ночлег у нас есть. Сейчас устроимся, почистим пёрышки и пойдём лакомиться вкусностями на ту улицу, согласен?

— Да!

— Чего бы тебе хотелось больше всего? Может, засахаренных ягод на палочке?

— Да!

— Или горячих сладких рисовых шариков?

— Да!

— Сочных мясных баоцзы?

— Да!

— Целую миску дымящихся пельменей?

— Да-а!

Мухань весело хмыкнул:

— Ну ты и забавный. Всё-то тебе нравится!

Сяо Хань поднял на него своё бледное личико и серьёзно ответил:

— Всё, что предлагает братик, для меня самое лучшее.

<http://bllate.org/book/18166/1750791>